

Эпизод 2261

Вещи в гостиной не слишком-то разговорчивы. Это и неудивительно — гостиная напоминает операционную больше остальных комнат: белоснежные стены, чью безупречность не так просто сохранить, когда в семье двое небольших детей; выстеленный отбеленным дубом, будто отскобленный пол, слишком маркий, чтобы ходить по нему или — совсем уж дикая фантазия! — завести детям собаку; обманчиво мягкая молочно-белая мебель с никелированными ножками и подлокотниками, на которые нельзя класть локти, иначе пятно. Среди прочего в обязанности Лизы входит ежедневно возвращать металлу сияние, а в те дни, когда ожидаются важные гости, Владимир Сергеевич требует пройтись по подлокотникам прямо перед приемом, хотя все бесполезно: едва уловимый нежный запах полироля мгновенно перебивается вонью виски и жареного мяса.

Гостиную проектировал какой-то известный дизайнер. Пытаясь ее оживить, он перечертил потолок балками — тоже белого дуба, разумеется, — а под огромным телевизором установил камин. Не слишком-то настоящий, как и всё в этом доме.

Яся любит посидеть у огня, так что зимой Лиза ежедневно заливает в тщательно замаскированное искусственными камнями отверстие специальную жидкость. Помимо обязательных латексных перчаток, которые Лиза то и дело меняет на новые, для камина она надевает еще и очки, чтобы, если брызнет в глаза, не пришлось промывать их проточной водой. Лиза не терпит прикосновений, тем более к глазам, тем более проточной воды. При мысли о воде в глазах ее передергивает.

Тыльной стороной кисти она глубже надвигает очки и тщательно целится: лить нужно аккуратно, медленно, чтобы никаких капель вокруг. Поднесешь горящую спичку — и жидкость на камнях загорится почти настоящим огнем, но такой огонь смущает Лизу, и она старается на него не смотреть. А вот от козы отвести взгляд не получается — она как раз очень настоящая, хотя совсем не живая. “Козой” и “моей зверушкой” Владимир Сергеевич зовет рогатый олений череп, висящий над черной дырой экрана. Владимир Сергеевич так им дорожит, что угрожал уволить дизайнера, если тот не сумеет вписать козу в интерьер. Рассказывая об этом, Владимир Сергеевич похохатывает и засовывает руки глубоко в карманы домашних штанов.

Время от времени он взбирается на низенький угол камина, чтобы проверить, хорошо ли вытерта пыль: неторопливо проводит рукой по изгибам рогов и шарит пальцем в глазнице, отчего-то всегда в левой. Вот на это Лиза совсем не может смотреть. Лучше уж завитушки на камине протирать, чем смотреть на такое.

Владимир Сергеевич любит упомянуть, что искал идеальный череп и идеальные рога, а потому пришлось

убить целое стадо оленей, чтобы было из чего выбирать. Выбирать следует только наиболее совершенное, повторяет он. В ряду прочих идеальных вещей, которыми с гордостью обладает Владимир Сергеевич, важное место занимает Яся, его жена. Когда Владимир Сергеевич заговаривает о совершенстве Яси, Лиза невольно воображает целую толпу Ясь, из которых он придирчиво выбрал свою. Хорошо, что ее не потребовалось вешать над камином, не то пришлось бы перебить целую толпу идеальных женщин.

Лиза беззвучно скалится, но потом одергивает себя — Яся Васильевна хорошая, не стоит такое вообразать. Наверное, Владимир Сергеевич даже любит ее, потому что охотно терпит немногие проявления ее несовершенства — например, смехотворную любовь к вышивке. То и дело на диванах появляются живые подушки: разнокалиберные, яркие, с кистями и вышивкой. Яся дарит диванам — то одному, то другому — по одной подушке в год. Всего подушек одиннадцать. В обязанности Лизы входит, узнав о предстоящем приеме гостей, надеть на подушки льняные чехлы в цвет сизалевого ковра. Яся пыталась протестовать, но Владимир Сергеевич рассердился и сказал, что без чехлов на подушках гостиная выглядит неоднородно и разномастно. Слишком живенько. Яся вздохнула и подчинилась.

Слово “мещанство” никто не произносит, потому что и само оно основательно скомпрометировано благородной нищетой, которая без приглашения явилась к прадеду Владимира Сергеевича, профессору Дервиенту, бестрепетно вспорола брюшки всем двенадцати венским стульям — с парадной атласной или практичной гобеленовой обивкой — и за-

менила их тремя плохо сколоченными и небрежно ошкуренными табуретами, одному из которых пришлось быть еще и колченогим. Но в том, что Владимир Сергеевич, морщась при виде вышитых диванных подушек, подразумевает именно мещанство, сомнений нет. По крайней мере, у Лизиной бабушки. А Лизе вообще все равно.

Лиза приступает к уборке не сразу. Требуется особый настрой, чтобы пуститься в это плавание: обмирая, входяшь в воду, останавливаешься на небольшой глубине, вода уже доходит до талии, а выше, где диафрагма, — самое теплолюбивое, самое уязвимое местечко, и ты ежишься и не решаешься ринуться в глубину, но потом совершаешь над собой усилие, и оно всегда бывает значительнее, чем тот крохотный шаг, который приходится сделать физически.

От настроения зависит целый день, поэтому некоторое время, сменив перчатки после заправки камина, Лиза пытается его поймать. Сегодня для этого требуется переложить подушки так, чтобы они лежали по возрастающей: от самой большой, квадратной, с прованским пейзажем, до самой маленькой, продолговатой, с изящной веткой цветущей сирени.

Выравнивая подушки по линиям трех взаимно перпендикулярных плоскостей, Лиза замечает на одной из них длинные волоски. Конечно, Катюшины. Они впутались в вышитый лепесток и почти незаметны, но теперь Лиза о них знает, а значит, придется извлекать. Латекс перчаток цепляется за волоски и противно скрипит, так что Лиза вздыхает и стаскивает перчатку. Она прикасается к подушке сморщенными кончиками пальцев, вглядывается в рисунок — и начинается разговор.

О том, что Лиза разговаривает с вещами, знает только Митя. Хотя это больше похоже на кино, чем на беседу, но чтобы объяснить все бабушке, пришлось бы, наверное, начать с комиксов. Когда комиксы только появились, бабушка скупала их пачками и изучала вместе с маленькой Лизой, подробно объясняя каждую позу и фразу, тренируя Лизу понимать, как выглядят люди, когда скучают, обижаются, хвастаются или сердятся. Лиза так до конца и не научилась распознавать чужие эмоции, зато обзавелась обширной библиотекой образов и сравнений, которая здорово помогает, когда совсем ничего не понимаешь, а объяснить нужно.

С вещами таких сложностей у Лизы не случается. Если задержать на чем-нибудь взгляд — на чем угодно, будь то старенькая кукла или обшарпанный пластиковый брелок, — вещь тут же начинает сыпать неясными образами. Чаще всего бессвязные обрывки, конечно. Но иногда, редко, если как следует сосредоточиться и прикоснуться рукой, чтобы закориться попрочней, вещь рассказывает историю.

В детстве Лиза представляла, что она супергероиня, наделенная необыкновенным даром. Став старше, она перестала считать себя необычной. Кто-то зачитывается толстыми романами, а Лиза предпочитает вчитываться в вещи, ничего особенного. Бабушка утверждает, что таких, как Лиза, полным-полно. Они не понимают шуток, не любят чужого общества и прикосновений, редко заводят семью, зато — наверное, в качестве небольшой компенсации — безупречно рисуют города по памяти, или сочиняют музыку, или знают много языков. Лизе, к примеру, достались числа. А еще разговоры с вещами, раз

уж с людьми не слишком-то получается, добавляет Лиза про себя. В остальном-то бабушка знает ее вдоль и поперек, и Лизе становится щекотно, когда она думает об этой своей недомолвке.

Иногда Лиза представляет свой мозг отдельным существом, подселившимся в ее пустую голову, — засел в черепной коробке, умный и важный, и быстро-быстро, с математической точностью просчитывает все варианты событий, а потом демонстрирует ей результат. Вполне возможно, что мозг при этом чувствует “гордость” — как кот, притащивший мышь в подарок хозяйке, — но Лиза не знает наверняка.

Лиза много экспериментировала и усвоила: чтобы увидеть кино, надо просто обратить на какую-то вещь внимание. Наверное, думает она, читать вещи мог бы каждый, если только сумел бы по-настоящему их увидеть. Это как у некоторых с книгами, думает она. Буквы в слова складывают многие, даже Лиза умеет. Но перенестись в книгу и увидеть картинки — о таком она только слышала, у нее самой никогда не получалось. Слова шалют, разбегаются по строчкам, не хотят складываться в картинку, даже врут иногда. Иное дело — вещи.

Лиза берет в руки подушку и замирает: она видит Ясю с иглой и пальцами в руках. Яся укололась. Крохотная капелька крови медленно падает на неоконченный лепесток пиона. Яся вздыхает, откладывает вышивку и выходит из комнаты. И тут же к пальцам подбегает Катюша. Она очень торопится: ей тоже хочется попробовать. Мама недавно купила ей собственный набор для вышивания, но там ужасно глупый рисунок — мишка и воздушные шарик, всего-то четыре цвета, как для малышни. А Катюше ужасно хо-

чется огромный сложный пион, который составлен, кажется, из тысячи оттенков.

Девочка хватается пальцы и торопливо делает пару стежков — то-то папа удивится и обрадуется, когда она расскажет ему, что помогала вышивать! — но слышит мамнины шаги, пытается отбросить пальцы и обнаруживает, что второпях захватила стежком несколько волосков, будто пришила себя к пиону. Мама увидит — заругает. Катя дергает сильнее, чуть слышно ойкает и едва успевает отпрыгнуть от дивана, когда в комнату входит Яся, задумчиво посасывая большой палец. Катя невольно хохочет — ну, мама, ты как маленькая! Яся мельком глядится в начищенную стенку камина — и тоже хохочет. Они обнимаются и затевают шуточную возню на диване.

На секунду Лизе кажется, что это ее щекочет и тормозит мама, она вдыхает теплый, давно забытый мамин запах — и все привычно скручивается внутри... Лиза возвращает подушку с пионом на место и надевает новую перчатку. Пора за работу.

Существует раз и навсегда утвержденный порядок: пока Яся гуляет с Катей и Федечкой, Лиза должна быстро убрать в их комнатах и привести в порядок кухню, а уж потом, когда Яся вернется, а Владимир Сергеевич, напротив, уедет консультировать, можно будет заняться той половиной, где он принимает пациентов: кабинетом, смотровой и процедурной. Даже когда он в отъезде, как сейчас, Лиза строго держится плана.

Владимир Сергеевич ужасно храпит, а потому позволил жене отдельную спальню и даже разрешил обставить ее по своему вкусу: мягкие линии и ткани, пастельные цвета, фарфоровая балеринка на щерба-

том постаменте... Правда, Яся здесь почти не бывает, обычно она днюет и ночует у Федечки.

В комнате Яси Лизе спокойнее, чем в остальных, но она не может находиться тут подолгу: не выносит мягких прикосновений шелка и плюша — ощущение такое, будто с нее сдирают кожу, ладони подолгу саднят потом. Лиза развешивает отглаженную одежду по шкафам, чистит ковер, вытирает пыль и сбегает на кухню.

Кухня тоже хранит Ясино тепло, но здесь, кажется, нет ничего гладкого. Не слишком удобно убирать, зато доставляет Лизе массу приятных ощущений: шершавый камень разделочной панели, неровное брашированное полотно обеденного стола, а самое главное — металлическая губка для мытья посуды.

У Лизы много ритуалов, они помогают держаться на плаву и даже немножко двигаться куда нужно. Покупка металлической губки — один из незыблемых столпов ее бытия. Лиза всегда смеется, думая о губке такими словами, но вообще дело именно так и обстоит — в каждый новый дом Лиза приходит с одной только губкой. И если у старичков Кузнецовых частенько приходится пользоваться ею — Евгения Николаевна видит плоховато и о пригоревшей овсянке узнает только по сильному запаху, — то в Ясином доме — Лиза так и не научилась называть его иначе, — в Ясином доме губка лежит совершенно нетронутая: готовит Яся сама, и у нее никогда ничего не пригорает. А посуду вечером моет специальная большая машина.

Кажется, кухня в Ясином доме — место, которое умудряется угодить обоим супругам. Просторная электрическая плита, шкафчики темного дерева, стены,

облицованные уютной плиткой с пастушками, кораблями и мельницами... Она нарядная, как Яся, и современная, как нравится Владимиру Сергеевичу. И каждая вещь не замолкая рассказывает о том, какие счастливые здесь живут люди.

К стенке прислонились разделочные доски — деревянные, с выпуклым от долгого использования рисунком. Яся не разрешает убирать их в шкаф, держит на виду, и Лиза понимает почему: на них очень приятно смотреть. Та, что поменьше, — черная, а большая — почти рыжая, цвета молодого фундука. Края у досок неровные, кое-где сохранилась кора.

Лиза гладит шершавый край, любитесь плавными переходами цвета на поверхности доски, и вот уже Владимир Сергеевич, не торопясь, тоненько нарезает мясо, а Яся откупоривает бутылку вина. Владимир Сергеевич говорит что-то, и оба дружно хохочут. Яся буквально складывается пополам от смеха, и несколько капель вина выплескивается на стол и на пол. Лиза съеживается, ожидая взрыва недовольства, но Владимир Сергеевич снова хохочет, отрывает от рулона несколько бумажных полотенец и аккуратно промакивает капли, а другой рукой тут же легонько касается кончика Ясиного носа, вздергивая его чуточку вверх, и вот уже на ее лице снова появляется улыбка — постепенно, как проступает изображение на фотобумаге, опущенной в провочную кювету.

Катюша тацит из холодильника вишневый сок. Владимир Сергеевич достает из серванта третий бокал, наливает в него сока. Федечка мычит в своем креслице, и тогда Владимир Сергеевич достает бокал и ему, все толпятся вокруг Федечки и, принаравливаясь к его неловким движениям, хохоча и радуясь чему-то, чо-

каются. Владимир Сергеевич с улыбкой ерошит волосы сына. Улыбка Федечки скорее похожа на гримасу, но он котенком тянется за отцовской рукой.

Лиза с трудом отрывается от разделочных досок и встряхивается. Нужно работать, а она тут засмотрелась на чужую семью.

Взгляд цепляется за коробку с серебряным гарнитуром на двенадцать персон. Завтра Владимир Сергеевич вернется из командировки, и в доме после долгого перерыва снова будут гости. Яся просила убедиться, что серебро отполировано как следует. Но серебро — долгая и приятная возня. Можно оставить ее на потом. А вначале кабинет.

Лизе туда смертельно не хочется, да, по правде говоря, и убирать-то там почти нечего. Влажной тряпкой протереть идеально пустой стол, на котором ничего, кроме лампы, монитора и клавиатуры, пройти по верхам стеллажей с медицинскими фолиантами, тщательно обработать антисептиком массажный стол, влажной, а затем сухой тряпкой пройти по идеально гладкому паркету. Раз в месяц Лиза моет потолочные плафоны и протирает висящий под потолком кондиционер. Сегодня как раз время плафонов. Проще простого. Но Лизе всегда не по себе. Она в принципе не любит ничего медицинского, и, хотя все детство бабушка таскала ее по врачам, Лиза так к этому и не привыкла. А может, потому и не привыкла, что почти каждая неделя была отравлена очередным визитом к очередному светилу, который разденет и станет щупать ее, тыкать там и сям, долбить молоточком, заставлять делать то и это. Лиза не терпит чужих прикосновений: она сразу чувствует себя малышом-голышом в медицински холодных руках. И тут, в насквозь

стерилизованном пространстве, она то и дело морщится и ежится.

Лиза начинает мыть массажный стол, но вдруг замирает в тревоге: на краю стола надорвана обивка. Неровная, едва заметная царапина тянется от края к центру, будто указатель. А в центре — какое-то странное, почти незаметное белесое пятно. Лиза изучает бежевую кожу обивки внимательно, как карту, и находит еще несколько почти параллельных царапин. Кое-где кожа смята, будто ее сжали и долго держали в таком состоянии. В механизме подголовника застряло несколько тонких детских волосков. В корзине для грязного белья Лиза находит простыню, машинально растряхивает ее двумя руками и охватывает взглядом поверхность. Она усеяна мелкими коричневыми брызгами и задубевшими бесцветными пятнами покрупнее. Под простыней в корзине лежит рваная резиновая лента. Чтобы не видеть ее истерзанных краев, Лиза снова опускает на нее простыню. Она и раньше находила и заносила в таблицы царапины, волоски и пятна, грязные простыни и другие странные предметы, но никогда — сразу все это.

Лиза пристально всматривается в обивку стола и чуть поднятый подголовник, затем опускает его вровень с остальной поверхностью. Аккуратно, чтобы не сделать больно, высвобождает волоски. На столе лежит худенький мальчик в одних трусиках. Он явно мерзнет: скрученные спазмами ноги покрыты мурашками, он конвульсивно водит по коленкам руками, хнычет, жметя к стене. У стола стоит Владимир Сергеевич. Лицо его набрякло румянцем, глаза сощурены. Владимир Сергеевич расстегивает верхнюю пуговицу халата. Внезапно мальчик начинает кричать. Влади-

мир Сергеевич не двигается, не пытается успокоить ребенка, и Лиза догадывается почему: в кабинете отличная звукоизоляция, да и что удивительного, что он кричит? На приеме у остеопата многие недовольны. Распахнув халат, Владимир Сергеевич молча наблюдает за плачущим ребенком и лениво поглаживает вздувшиеся в промежности брюки, затем резкими движениями расстегивает ремень, и пуговицу, и крючок, и молнию и стягивает брюки вместе с трусами.

Судорожным рывком Лиза отдергивает взгляд от массажного стола и переводит его за окно, на тощие, будто посиневшие от холода и страха деревья. Она разрешает себе не досматривать страшные фильмы. И если в прошлый раз она еще сомневалась, то теперь уверена: этот — очень страшный. Пустые места в ее таблицах заполнены неопровержимыми доказательствами.

Чтобы успокоиться, у Лизы есть логарифмическая линейка. Круглая — так гораздо удобнее. Лиза представляет прозрачный визир линейки, двигает его туда-сюда — визир катится свободно и бесшумно. Некоторое время она наблюдает, как неровное, будто вручную выплавленное стекло визира преломляет цифры, на которые попадает.

Лиза очень любит цифры. Они постоянны и неизменны. Например, единица всегда останется единицей — даже если небо рухнет на землю. Эта простота, эта ясность успокаивают Лизу. Оттирая кожу массажного стола, она торопливо возводит двести восемнадцать в одну тринадцатую степень и мысленно выписывает ответ — цифру за цифрой, до пятнадцатого знака после запятой. Лиза довела свои движения до автоматизма и теперь даже может представить, как

скрипит перышко, как расплываются по бумаге чернила. Сегодня они светло-серые и едва видны на такой же серой странице из школьной тетрадки в клетку. Некоторые цифры приходится обвести дважды. Лиза нажимает чуть сильнее — и перо прорывает повлажневшую бумагу.

Дыхание никак не выравнивается.

Лиза мысленно комкает страничку, потом внезапно расправляет и складывает из нее самолетик. Она представляет, как он летит далеко-далеко и пропадает за горизонтом.

Прошлое со временем меняется. Будто стареет картина. Какие-то пигменты менее стойкие, они исчезают первыми. Оставшееся распадается на части, и Лиза вертит эти части так и сяк, пытаюсь приспособить к делу, но получается как с разобранным на винтики механизмом — всегда остаются лишние детали. Воспоминания Лизы сложены из фактов, а факты собраны впечатлениями и спаяны в витраж. Получившийся каркас образует материю прошлого — и именно он исчезает первым, оставляя факты висеть в пустоте. Иногда Лиза перебирает воспоминания, как мамины бусы-баламуты. Чего там было больше — счастья или тоски? Одно Лиза знает точно: чем ярче тогда было счастье, тем глубже будет тоска по нему потом.

Однако мозг Лизы не любит перемен. И кое-какие воспоминания Лиза оставляет нетронутыми, неразобранными. Они выглядят как идеальные стеклянные сферы — бусины без отверстий, которые не нанизать. На каждой бусине выгравированы числа, а внутри бесконечно и навсегда происходит что-то хорошее или что-то плохое — обязательно то, что Лиза решила сохранить в неприкосновенности. Единственное, что

она себе разрешает, — время от времени задержать взгляд на одном из этих шаров, проникнуть внутрь него, окинуть взглядом пространство, задерживаясь на самых незначительных деталях, чтобы и они остались в шаре надолго, навсегда.

Одна из таких сфер-бусин — окончание школы. Лизе пятнадцать. Уже понятно, что она вырастет высокой, а пока она на голову ниже семнадцатилетних одноклассников, но никто не смотрит на нее свысока, никто не смеется и не выгоняет ее. Здесь она своя.

Двум ее одноклассникам вручают золотые медали, шестерым — серебряные. Лиза тоже хотела бы получить медаль, но ей не положено — учительница по русскому едва натянула Лизе тройку. Лиза, хихикая, представляет, как Вера Александровна, побагровев от натуги, вдевает длинные Лизины ноги в эту свою тройку, как в бабушкины трико, прямо поверх Лизиних брюк, тянет и тянет ее вверх, а потом, уже у подмышек, туго затягивает резинку. Дышать в тройке тяжело, и только Вера Александровна отвернется, Лиза с облегчением из нее выпутывается. Тогда все приходится начинать заново. Разглядывая аттестат, Лиза решает закрасить ряды троек, чтобы остались только те, что с пятерками — по математике, геометрии, физике, химии, черчению, и вместо тугих бабушкиных трико ей тоже дали медаль, но отвлекается и забывает об этом.

Следующая бусина — университет. Точнее, день, когда они с бабушкой отправляются подавать документы.

Увидев Лизу, секретарь приемной комиссии, тетка невнятного возраста с опухшими глазами, внезапно с силой отъезжает на кресле от стола. “Злость” или “удивление”?